

The background of the cover is a dramatic, dark blue and black scene of a stormy sea. In the foreground, a small, makeshift boat is visible, struggling against the waves. The overall mood is one of intense action and survival.

Валерий Мясников

ДРЕЙФ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Мясников

Дрейф

«ЛитРес: Черновики»

2020

Мясников В. Ф.

Дрейф / В. Ф. Мясников — «ЛитРес: Черновики», 2020

Океанографическое судно «Адмирал Макаров» выполняет задачи исследовательской экспедиции Военно-морского флота СССР у берегов Антарктиды. В этой южно-полярной пустыне, где на многие сотни и даже тысячи миль не бывает ни одного судна, военные моряки получают радио-SOS: на самой отдалённой антарктической станции «Ленинградская» нашему полярнику нужна срочная операция. Экипаж «Макарова» перед трудным выбором. Если им и удастся пробиться через забитое льдом море Сомова к «Ленинградской», назад они могут уже не вернуться. Льды за кормой сомкнутся и обрекут макаровцев на неминуемую гибель. Ведь до следующего антарктического лета им уже никто не сможет помочь... Автор повести – участник кругосветной антарктической экспедиции ВМФ в 1982-1983 гг., капитан 1 ранга. 200-летию открытия Антарктиды посвящается. Содержит нецензурную брань.

© Мясников В. Ф., 2020

© ЛитРес: Черновики, 2020

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дрейф

Глава I

Фиолетовый океан, совсем без волн, чуть подёрнутый рябью от несильного ветра. Фиолетовые тучи, тяжело придавившие ставший близким горизонт. Белые горы айсбергов с чистой лазурью у подножья. Они застыли, словно и не плавающие осколки Антарктиды, а поднимающиеся со дна океана ледовые острова. Их подтаявшие берега образовали огромные гроты, а на острых мысах – сквозные проходы, через которые может пройти даже небольшое судно. Оттуда доносятся леденящие душу звуки, похожие на дыхание неведомого гигантского чудовища. Но эта загадка Белого Сфинкса легко отгадывается – то дышит в ледяных гротах своей почти незаметной зыбью Южный океан. Пока он свободен от сплошного ледового панциря, спешит надыхаться на долгие месяцы зимней спячки.

Его фиолетовая спина, на которой он несёт тяжёлую ношу ледовых гор, покрыта бурными пятнами креветочных скопищ. Где-нибудь между ними вдруг ударяет к небу китовый фонтан или прорезает фиолетовую рябь плавник самого страшного океанского хищника – касатки. Тогда из воды стремительно выскакивают на лёд перепуганные пингвины. Неуклюжие ходоки, но замечательные пловцы, они мчатся под водой со скоростью торпеды, а потом, свечой взмывая над краем льдины, валялся друг на дружку, образуя кучу малу.

В Антарктике – лето. В это время белый материк притягивает к себе из далёких северных стран птиц и людей. Первых – миллионы, вторых – значительно меньше. Но законы, по которым, оставляя тёплые насиженные места, они стремятся сюда каждый год в одно и то же время, наукой доподлинно пока не объяснены.

Есть такая сизо-серая небольшая птица с красным клювом, красными лапками и чёрным чепчиком. Это полярная крачка. Выведя птенцов где-нибудь на островах Белого моря, она в августе устремляется в далёкую Антарктиду. Спустя месяц-два туда направляются и наши экспедиции. Ещё неизвестно, что заставляет полярных крачек дважды в году огибать почти половину земного шара. Но и наш полярник, в третий, в пятый, в десятый раз отправляющийся к берегам шестого континента в полутороговую экспедицию, тоже не скажет, почему его дети растут без него. Разве что сошлётся на силу магнитного притяжения, которую довелось испытать и нам, когда мы приблизились к Южному магнитному полюсу...

Старший лейтенант Игорь Анисимов пришёл в Антарктиду впервые. До этого он не испытывал на себе влияния загадочных сил Южного магнитного полюса. Как человек военный он здесь, можно сказать, силой приказа. Но скольких мытарств стоило ему добиться в гидрографической службе флота включения в состав южно-полярной экспедиции на океанографическом исследовательском судне «Адмирал Макаров». И хотя сейчас на карманном календаре отмечается уже четвёртый месяц плавания, всё же он всегда просыпается с чувством человека, которому очень повезло. Это чувство заставляет отдаваться работе настолько, что ничего не остаётся для тоски по дому или для известной морской хандры, которая наступает обычно на третий или четвёртый месяц плавания (у кого как) и опасно консервирует душу и мозг.

Вот и сейчас на вахте в гидрографической лаборатории, склонившись над большим штурманским столом, Игорь с упоением придавался любимой работе – вёл параллельную прокладку курса судна. Когда тень от его непокорного русоволосого чуба в очередной раз накрыла на маршрутной карте море Дюрвиля, в которое входил «Адмирал Макаров», он быстрым движением надел пилотку. Колдуя с параллельной линейкой и до игольчатой остроты отточенными карандашами, старший лейтенант не замечал, как почему-то сам по себе у него высовывался кончик языка. В это время в его светло-серых глазах появлялся такой блеск, будто множество крохотных осколочков зеркала отражали лившийся от настольной лампы свет.

Игорь не любил смотреться в зеркало, не любил фотографироваться, потому что ему не нравилось его курносое с чуть припухлыми губами лицо. И в семейном альбоме, который

обычно показывается гостям, хранится единственная фотография: на ней он снят незамеченным фотографом за прокладкой курса.

Двадцатипятилетний старший лейтенант Игорь Олегович Анисимов считал себя человеком и в служебных, и в житейских делах достаточно опытным. В двадцать два он закончил гидрографический факультет Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в Ленинграде, в тот же год женился на выпускнице ЛГУ, а через месяц после свадьбы, прибыв к новому месту службы в Севастополь, ушёл в своё первое офицерское плавание. Это был недолгий штурманский поход с молодыми штурманами флота вдоль черноморского побережья.

Игорь же все пять лет учёбы готовил себя к дальним походам за экватор, к открытиям, пусть не сенсационным, но в океане всегда реальным и всегда оставляющим на штурманских картах конкретный след. Он свято верил в то, что есть ещё в мировом океане тот маленький островок, та небольшая укромная бухточка, которые суждено увидеть ему первому.

А сейчас была будничная работа: навигационно-гидрографическое обеспечение боевой учёбы Черноморского флота. Что это такое? Скажем, в ходе плановых учений предстоит высадка морского десанта на необорудованное побережье. Как обеспечить безопасность на подходах к заданному району и на акватории высадки? Как безопасно подводить к берегу огромные десантные корабли и вместе с ними стремительные «Джейраны» на воздушной подушке при абсолютном отсутствии средств навигационного обеспечения? Как маневрировать этим кораблям на акватории по картам с редкой сеткой глубин? Или как удержать у кромки берега, открытого для ветров и волнения со всех направлений?

На эти и множество других вопросов и должны ответить те, кто первыми выходит на гидрографических судах и катерах в район учений, а в военное время – в район боевой операции. Работа для молодого офицера-гидрографа безусловно интересная, а для кого-то даже захватывающая. Уже одно то, что цена твоей ошибки может быть равна аварии, а то и чьей-то гибели, заставляло собирать в кулак все свои знания, всю волю.

На таких выходах Анисимов работал сутками, старался не допустить ни одной ошибки, за что был замечен начальством. И в комсомоле двинули в секретари. Игорь не гонялся за синей птицей и по-хорошему, по белому завидовал своему однокашнику Сергею Балашову, которому на распределении судьба улыбнулась – он был сразу назначен на большое океанографическое исследовательское судно «Адмирал Макаров». И уже ходил на нём в Индийский океан.

* * *

В гидрографической лаборатории «Адмирала Макарова» вели прокладку курса параллельно со штурманской рубкой в исследовательских целях. Здесь шёл систематический промер глубин и каждое значение глубины океана, отмеченное самописцем эхолота, должно точно соответствовать определённой точке на штурманской карте океана, через которую только что прошёл «Адмирал Макаров». Только тогда это будет достоверная линия промера, а полученные уточнённые данные лягут на штурманские карты всех мореплавателей.

Чтобы измерить глубину во времена адмирала Степана Осиповича Макаров, гидрографы под неизменную «дубинушку» долгие часы вначале опускали, а потом тянули из бездны длинный линь с привязанным к нему свинцовым или чугунным лотом. Сейчас достаточно включить прибор, называемый эхолотом, и он тут же покажет, сколько футов под килем. Однако его показания не могут быть абсолютными. Старшему лейтенанту Анисимову нужно внести поправку на приливно-отливные колебания уровня моря в конкретном районе, затем к полученной глубине прибавить величину осадки собственного судна, потому что антенны эхолота установлены в днище судна, а осадка меняется в зависимости от солёности воды, которая в разных районах океана разная, кроме того – учесть изменения скорости звука в воде, зависящей так же от её солёности и температуры... В общем, не скучная работа.

Многое должен успеть вахтенный гидрограф, действуя буквально в режиме автомата. Анисимов успевал ещё и думать. Увидев, что самописец эхолота до этого тянувший прямую линию начал вновь выводить горку, Игорь оторвался от прокладки. «Надо же, за вахту уже третья горка...». Он достал из металлического шкафа перфоленты эхограмм, записанные на предыдущей вахте. И там увидел эти неожиданные горки.

Снова снял пилотку. Взял голову в руки, облокотившись на штурманский стол. «Откуда взяться на совершенно ровном четырёхкилометровом дне таким вот пятидесяти и стометровым кочкам?». Следующая мысль обожгла Игоря: «А не катим ли мы по длинному ущелью вдоль горной гряды, цепляясь эхолотом лишь за подножья подводных гор?..». Анисимов взял микрофон «Каштана» для связи с мостиком:

– Товарищ командир, обнаружены отличительные глубины. Предлагаю для уточнения промера изменить курс. Конкретно, лечь на 160 градусов.

Проходили томительные минуты, но мостик молчал. Курс судна не менялся. Игорь снова потянулся к «Каштану», но через открытую дверь в штурманскую рубку услышал голос командира уже на высокой ноте:

– Князев, почему не докладываете место?! Надеетесь всё прочесть на дисплее? Штурман, если он штурман, должен всё считать сам, с карандашом и параллельной линейкой. Я ясно выражаю: считать и докладывать?! А то Анисимов сейчас поведёт нас неведомо куда...

В двери гидрографической лаборатории появился капитан 2 ранга Романов. Игорь не переставал восхищаться его статной фигурой и тем особым флотским шиком, с которым командир носил свою форму. Лёгкий клёш всегда наглаженных брюк под особым углом лежал на зеркально блестящих полуботинках, идеально подогнанная по росту и размеру тёмно-синяя шерстяная куртка и на ней – овално согнутые словно приклеенные к плечам погоны, крепко схваченная галстуком на шее кремовая рубашка, утяжелённая спереди шитым «кратбом» пилотка, прикрывающая почти весь лоб... (как не влюбиться в такую морскую форму?!). И смуглое красивое лицо с большими смолистыми усами...

Вот кого надо фотографировать на обложки глянцевого журналов и развешивать в гримёрках мировых кинозвёзд...

Но иногда у Романова его такие же как усы смолисто чёрные брови сходились на переносице и это означало только одно: командир зол и сейчас будет всем...

– Анисимов, «Макаров» вам не велосипед – поворачивать туда, сюда. Докладывайте подробно.

Игорь увидел сошедшиеся брови-крылья Романова и быстро сориентировался. Сейчас упаси Бог хоть словом, хоть движением выйти за рамки устава, сразу получишь по полной – в общем-то, негромко и не оскорбительно, но очень хлётко, с этаким флотским оттягом.

Анисимов вскочил с вращающегося кресла, сгрёб в сторону перфоленты и, показывая уже сделанные на карте карандашные отметки, как можно коротко доложил свои соображения.

– Я не разделяю вашего оптимизма, – брови-крылья начали понемногу расправляться, но о романовские усы ещё можно было уколотся. – Во-первых, мы идём постоянным курсом и, если верить вашему предположению, наш эхолот срезает только равновеликие подножья гипотетической гряды. Но не может же горная подводная гряда вытянуться по струнке – как зубья пилы. Во-вторых, эти ваши горки на эхограмме могут быть намыты завихрениями мощного здесь циркумполярного течения. Эту поправку среди прочих вы вводили?

Анисимов хорошо знал, как трудно, а порой просто невозможно переубедить командира, если он уже высказал своё мнение. К тому же он искренне уважал Виталия Евгеньевича Романова как командира и как просто справедливого человека, поэтому ему сейчас было очень жаль и даже обидно, что Романов не соглашается с ним. Но знал он и другое: по заведённому на корабле порядку в подобных случаях – при обнаружении отличительных глубин – необходимо докладывать сразу начальнику экспедиции капитану первого ранга Асташову.

– А, впрочем, – глядя на промерную карту Анисимовой вахты и пригладив свои колкие усы, сказал капитан 2 ранга Романов, – посоветуемся с Асташовым.

Это означало, что начальнику экспедиции он позвонит сам и к вахтенному гидрографу Анисимову у него претензий уже нет. Однако из лаборатории Романов звонить не стал, а направился на ходовой мостик. И тут же Игорь увидел, как стрелка репитера компаса переползла на отметку 160 градусов. Игорь непроизвольно улыбнулся и сам себе показал большой палец.

Буквально через минуту в гидрографической лаборатории появился капитан 1 ранга Асташов. По воинскому званию он был на «Адмирале Макарове» самым старшим. Но его выделяли не только звание и непривычно для моряка большой рост. Доктор технических наук, член Географического общества СССР, в недавнем прошлом участник нескольких арктических экспедиций. Многие на «Адмирале Макарове» впервые встретились с ним только в этом походе. И как очень быстро отношения между Асташовым и участниками экспедиции сложились так, что к нему все стали обращаться не по званию, а просто «Николай Николаевич». Между собой его называли Ник-Ник. И только Романов в тех случаях, когда мнение Асташова расходилось с его мнением, ошестинившись своими пышно-смолистыми усами, обращался: «Товарищ начальник экспедиции...».

За минувшие месяцы плавания к этому особому обращению командира привыкли, знали, что тем самым командир не столько подчёркивает субординацию, сколько своё особое командирское положение, а значит и своё особое мнение, при котором он остаётся. Это никого не смущало, наоборот, за такую строптивость офицеры даже симпатизировали Романову, поскольку на военной службе не часто встретишь человека, который мнение своего начальника не считает своим мнением.

Но позицией командира корабля по отношению к нему, старшему на борту, Асташов никогда не раздражался и своим положением никогда не давил, всегда находил аргументы, спор вёл на равных. Именно за это – за умение строить свои взаимоотношения с подчинёнными, никогда не загонять их в угол Корабельного устава, при этом спекулируя уставной терминологией, а ещё за способность выслушать и дать излиться всему доброму и дурному, умному и бездарному – прежде всего именно за это Игорь выделял Асташова среди другого начальства. И только на второй план он ставил глубочайшие, поистине энциклопедические знания этого человека.

Кажется, все ледяные ветры Арктики и все лихие южноарктические ураганы оставили свой след на его лице – так грубо оно было слеplено природой. Почти лишённое плавных овальных черт, широкое, скуластое, с густыми зарослями сросшихся бровей, оно словно бы подсвечивало мягкий голос, постоянное спокойствие, интеллигентные манеры. И даже богатырский рост, огромные плечи и похожие на лапы якоря руки не делали этого человека неуклюжим.

Асташов положил на плечо вскочившего для доклада старшего лейтенанта Анисимова свою широкую ладонь и несильно придавил его снова к креслу. И совсем не по-уставному:

– Ну-ка, Игорь Олегович, выкладывай, что ты тут на промерял?

Повторив всё, что докладывал командиру корабля, Игорь решился высказать и только пришедшую мысль:

– Николай Николаевич, вы знаете, что в прошлом году норвежцы на дне моря Уэдделла открыли много глубоководных впадин, а между ними высоких хребтов, расположенных в направлении Атлантического океана на сотни миль. На этом основании они считают, что их открытие подтверждает гипотезу о существовании в далёком прошлом Гондваны – гигантского континента, который тогда объединял современную Антарктиду, Южную Америку, Африку, Австралию, Индостан...

– Давай, Игорь Олегович, заканчивай с азбукой открытий. Излагай суть – свою гидрографическую гипотезу.

– Николай Николаевич, если мы откроем гряды подводных гор, которая тянется не от юга к северу, а вдоль антарктического материка, тогда и норвежцам, и всем нам понадобятся совсем другие объяснения расположения подводных гор... Представляете?! И тогда азбуку открытий, как Вы говорите, надо будет поправлять.

Асташов заулыбался. Но не снисходительно, а искренне. Ему очень нравилось, когда молодые офицеры зажигались какой-нибудь исследовательской идеей. Он спорил с некоторыми своими сверстниками, ворчавшими на молодёжь, которой нынче якобы по фигу истинные исследования, их больше интересуют темы служебных должностей, званий, выгодных по количеству заходов в инопорты экспедиций. Спорил, но всё же в душе был наполовину с ними согласен. Только, правда, с поправкой: значительная часть флотской молодёжи, но не вся же... И эта поправка была для него отдушиной, спасательным кругом, за который можно ещё ухватиться.

– Не будем забегать вперёд, Игорь Олегович. Мы пока ещё ничего не открыли...

Когда Асташов упрекал свою старшую дочь в завышенных претензиях на жизнь и в прагматизме, та твердила одно и то же: «Папочка, раскрой глаза...». О чём спор. Глаза у него были раскрыты, и он прекрасно видел, что в обществе начала 80-х действительно происходит переоценка ценностей. Но при этом просоленный всеми морскими ветрами каперанг верил в то, что военный флот, как и армия, это последний оплот гражданственности и высокой нравственности. Верил, искал тому примеры и, конечно, всегда находил.

Раньше Асташов решительно боролся против ханжества, угодничества, протекционизма. Для этого у него, командира части, хватало и власти, и сил. Но накапливалась усталость не только от пройденных штормовых миль. Однажды телефонная трубка голосом старшего начальника низвергла на Асташова оскорбительную площадную брань только за то, что он снял с дежурства и наказал за пьянство лейтенанта с известной на флоте адмиральской фамилией.

Почувствовав после этого случая свою в общем-то незащищенность, Николай Николаевич стал так же решительно избавляться от угодников и протекционистов, окружать себя людьми честными, преданными делу, своему офицерскому званию. Он уходил с ними в моря, в небезопасные экспедиции, и там ему было много легче бороться с девятибалльным штормом, чем на берегу под начальственным прессом участвовать в распределении благ для выдвиженцев.

– В этих ваших горках что-то есть...

Он взял микрофон «Каштана»:

– Мостик. Командиру. Рекомендую курс сто шестьдесят пять градусов.

Игорь ликовал. Асташов доворачивает им предложенный поворот. Значит, поверил... Ему, старшему лейтенанту, на флоте без году неделя...

Дальше события развивались, как показалось Анисимову, стремительно. Самописец эхолота, оторвавшись от отметки 4000 метров, вновь стал выводить горку. И тут с непривычной для него поспешностью Асташов вновь схватил микрофон.

– Командир, подверни-ка ещё пять градусов к зюльду!..

На этот раз чёрная линия из-под механического пера не закруглилась ни на отметке 3950, ни на 3900. Она поднималась и поднималась – 3500, 3000, 2800...

За спинами сидевшего в рабочем кресле Анисимова и упёршегося локтями в штурманский стол Асташова стояли невесть откуда взявшиеся радионавигаторы, штурманский помощник лейтенант Князев, старпом Кудинов и ... сам командир.

В лаборатории стояла тишина, нарушаемая чуть слышимым жужжанием самописца. Рождаемая им непрерывная линия, подчиняясь бесстрастным командам работающего на ходу корабля эхолота, перестала пониматься лишь на отметке 2250 метров. И только потом снова поползла вниз, показывая увеличивающиеся глубины.

– А теперь смотрите сюда!!! – кинжально отточенный штурманский карандаш капитана 1 ранга Асташова показал на карте точку нахождения «Адмирала Владимирского», где были пропечатаны при изготовлении этой карты (а все точные копии карты разосланы Гидрографической службой ВМФ мореплавателям всех стран мира) глубины 4000 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.